

На третий год пребывания в храме Байюнь мастер Хуэйинэн все еще отказывался обрить голову Бай Цзиньшу.

К счастью, Бай Цзиньшу больше не настаивал. Побрил он голову или нет, для него не имело особого значения. Он понимал точку зрения мастера Хуэйинэна. В конце концов, те, кто следует буддийскому пути, должны быть свободны от мирских привязанностей.

Но он не мог этого сделать.

В глубине души он пообещал Е Лихэню, что будет сожалеть, чувствовать вину и страдать всю жизнь, как того и хотел Е Лихэнь. Это были мирские привязанности, от которых он никогда не смог бы избавиться.

Буддизм был для него не убежищем, а просто местом, где он мог молиться о лучшей жизни в следующей жизни для Е Лихэня.

Бай Цзиньшу никогда не повторял сутры для себя, только молча читал Сутру сердца, как руководство к исполнению единственного желания своего сердца.

В этот день в комнату Бай Цзиньшу пришел молодой монах и вручил ему пустой конверт.

— Старший брат Бай, кто-то снаружи попросил меня передать это тебе.

Бай Цзиньшу взял конверт с легким замешательством. Он не скрывал, кто он такой, но у него также не было друзей, с которыми он мог бы переписываться.

— Кто это был?

— Я не знаю, этот человек был в бамбуковой шляпе и выглядел очень загадочно.

Хотел ли кто-то предаться воспоминаниям или причинить неприятности, для Бай Цзиньшу сейчас не имело большого значения. Он поблагодарил молодого монаха и небрежно вскрыл конверт.

Он думал, что в письме не будет ничего важного, но внутри пустого конверта оказался чистый белый лист.

Сердце Бай Цзиньшу невольно учащенно забилося.

Он не осмеливался глубоко задумываться, но все же не мог не вспомнить пустые письма, которые Е Лихэнь дал ему раньше. Один раз в Павильоне полной луны, один раз в пещере и... теперь это был третий раз в его жизни, когда он получал пустое письмо.

Если бы он осмелился надеяться, ему, возможно, снова пришлось бы испытать невыносимую боль и отчаяние.

Тем не менее, его тело инстинктивно бросилось вон из комнаты.

За пределами маленького храма Байюнь горная тропа была широкой, но Бай Цзиньшу никого не увидел.

— Сяо Ли... — Бай Цзиньшу прошептал это имя, полный бесконечного страха и беспокойства. — Сяо Ли? — он повысил голос, надеясь, что тот, кому он звонил, мог его услышать. — Сяо Ли... — наконец, он громко закричал.

Два года тоски, вины и боли, эмоций, которые никогда не давали выхода, превратились в крики о помощи.

— Сяо Ли...

Однако единственным ответом было эхо в долине.

Бай Цзиньшу мчался по главной дороге, как безголовая муха.

Говорили, что это был таинственный человек в бамбуковой шляпе, но на самом деле Бай Цзиньшу даже не видел дровосека или охотника. Он бесцельно бродил у подножия горы, чувствуя себя потерянным.

Спустя неизвестное количество времени он, наконец, немного пришел в себя.

...Он должен был проверить это!

Он не мог найти человека, но, по крайней мере, он должен был удостовериться, что Е Лихэнь все еще жив!

Чтобы быть ближе к Е Лихэню, Бай Цзиньшу, похоронив его на горе Жэньван, нашел ближайший храм, чтобы оставаться поблизости. Теперь, используя свой цингун, он быстро добрался до горы Жэньван.

Последователи школы Жэньван были удивлены и обрадованы, увидев Бай Цзиньшу, но у него не было времени встретиться со своими младшими братьями и племянниками.

Он направился напрямиком к могиле Е Лихэня.

Добравшись до места назначения, Бай Цзиньшу застал Цзян Чэна уже там, он выкапывал гроб.

Более двух лет назад у Бай Цзиньшу не было сил разбираться с семьей Линь, школой Огненного лотоса или собранием боевых искусств. Однако Цзян Чэн, следуя просьбе Е Лихэня, переданной Мо Фэйсяо, тщательно расследовал деятельность семьи Линь.

После того, как их заговор был раскрыт, семья Линь открыто объявила об уже тайно созданной организации Тяньсюэ. Какое-то время Тяньсюэ свирепствовал в мире боевых искусств, превратившись в внушающий страх культ.

Как лидер альянса, Цзян Чэн был связан обязательствами, и по личным причинам он несколько раз рисковал своей жизнью, участвуя в акциях против Тяньсюэ. Эти два года он был так занят, что почти не отдыхал.

Бай Цзиньшу, который часто тайно посещал гору Жэньван, чтобы повидаться с Е Лихэнем, примерно знал, как долго Цзян Чэн не возвращался в школу.

Увидев его сейчас, у него мелькнула мысль.

Приход Бай Цзиньшу вызвал легкую радость на задумчивом лице Цзян Чэна.

— Ты что-то получил?

— Пустое письмо. — кивнул Бай Цзиньшу.

Цзян Чэн не знал, что за история скрывается за «пустым письмом», но это не повлияло на его радость.

— Я получил жетон Фубэй.

Когда Е Лихэнь хоронили, Цзян Чэн оставил ему жетон Фубэй на память. Это был секрет, о котором не знал никто посторонний. С другой стороны, если кто-то действительно ограбил могилу, как он мог вернуть жетон Фубэй Цзян Чэну?

Только один человек мог это сделать, точно так же, как только он мог отправить Бай Цзиньшу пустое письмо.

Наконец, гроб был раскопан, в котором Бай Цзиньшу и Цзян Чэн были похоронены два года назад.

Бай Цзиньшу и Цзян Чэн обменялись взглядами, затем вместе протянули руки и медленно открыли крышку гроба...

Внутри было пусто.

Бай Цзиньшу тихо рассмеялся, присаживаясь рядом с гробом.

— Я должен был подумать об этом. Сяо Ли такой умный, как бы я мог его одурачить? Он, должно быть, знал, что третья пещера – это выход. Он просто был слишком зол тогда и намеренно побежал во вторую пещеру. Пещера продолжала разрушаться, вероятно, потому, что Сяо Ли использовал силу своей ладони, чтобы расшатать стены изнутри. Внутренняя энергия Сяо Ли необычна, он, вероятно, знает технику дыхания черепахи или что-то в этом роде. Он разозлился на то, как мы с ним обошлись, сказал, что хочет, чтобы мы сожалели и страдали всю жизнь, поэтому инсценировал свою смерть.

— Но он не мог позволить нам страдать вечно, поэтому, наконец, дал нам подсказку.

Пожизненный срок был сокращен до двух лет, Е Лихэнь был мелочным и мстительным, но при этом таким мягкосердечным. Это заставило Бай Цзиньшу, который когда-то считал его холодным и безжалостным, почувствовать одновременно и душевную боль, и сладкую горечь.

— Может быть, он и готов простить нас, но он не хочет меня видеть. — пробормотал Бай Цзиньшу себе под нос.

Этот человек, должно быть, Е Лихэнь. Он пришел в храм Байюнь, передал письмо Бай Цзиньшу, но сразу же ушел, не задержавшись.

— Пока он живет хорошо. — тихо ответил Цзян Чэн после недолгого молчания.

— Я ухожу, дядя. — медленно встал Бай Цзиньшу.

— Куда ты идешь? — спросил Цзян Чэн.

— Если Сяо Ли не хочет меня видеть, я буду избегать его. Но если он просто слишком горд, чтобы показать себя, тогда я буду бесстыдно приставать к нему. Я не могу позволить ему быть одиноким из-за гордости. — посмотрел в неизвестном направлении Бай Цзиньшу.

— Но ты знаешь, где его найти?

— Я не знаю, но верю, что рано или поздно найду его. В конце концов, у меня впереди целая жизнь.

(Конец)

<http://bllate.org/book/14305/1266046>